

Вырезка из газеты

346
13
от 24 АВГ 59
Москва Газета №

Поправки к мемуарам

Когда вышел из печати пухлый том мемуаров известного дореволюционного литератора Иеронима Ясинского, кто-то из его современников воскликнул:

— Боже, какая интересная и благородная жизнь!

Но тут же добавил:

— К сожалению, в действительности-то все было наоборот...

Искусство автопортрета весьма сложно. Опытный писатель Ясинский им владел в совершенстве. Из-под его ловкого пера герой воспоминаний вышел таким бордом за правду, в котором старые приятели с трудом узнавали своего коллегу по «Биржевым ведомостям».

С Леонидом Утесовым произошел казус, так сказать, обратного порядка. Сейчас изданы его мемуары. Их читаешь с чувством большой досады. Насколько же в действительности жизнь этого замечательного мастера советской эстрады интересней и богаче, чем его собственное жизнеописание!

Мы далеки от того, чтобы усмотреть в утесовской книжке некий криминал, требующий шумного осуждения. Это весьма обычный тип актерских воспоминаний. В них собраны, главным образом, театральные анекдоты и различные приятные случаи, связанные с пожинанием лавров и получением портсигаров.

Между тем именно не этими лаврами и портсигарами поучительна артистическая судьба Леонида Осиповича Утесова.

Известно, что каждое новое начинание неизбежно влечет сопротивление вялых и консервативных умов. Когда в один из ненастных дней на улицах Лондона появился человек с первым в мире дождевым зонтом в руках, — его побили камнями...

Теперь просто невозможно вообразить, кем же это невинный зонтик мог вызвать такое негодование толпы?

Утесов долгое время был в положении человека с зонтом. Десять лет назад он создал первый советский театрализованный джаз. Если прочесть все, что тогда писалось по этому поводу, волосы станут дыбом. Во всяком случае, среди пороков, которые добропорядочному юноше рекомендовали избегать, слушание джаза стояло на первом месте после злостного хулиганства и поножовщины.

В наши дни, когда есть джаз СССР и сотни рабочих самодеятельных джазов, в том числе и стяжавший себе всеобщую славу коллектив железнодорожников, над этими бреднями можно только хохотать.

Но ведь тогда Утесову было не до смеха. Шла жестокая борьба. Путь к признанию оказался весьма тернистым. И артист проявил настоящую принципиальность, достойную советского художника. Убежденный в своей правоте, он не давал сбить себя с занятых им творческих позиций.

Я сам слышал, как на многолюдном диспуте тогдашний председатель Главреперткома рекомендовал Утесову распустить свой джаз и поступить на роли «простака» в московскую оперетту. Кажется, он даже обещал свою протекцию...

Будущее показало, кто из них был тогда простаком.

Вот об этом-то создателе советского джаза и следовало бы писать в своих мемуарах. Это представляет настоящий интерес. Рассказать о диком улюлюканьи рапповцев, травивших «веселых ребят», о змеином шипении различных «савонарыл» из театральных канцелярий, о той поддержке, которую оказал первому джазу массовый зритель.

Но, конечно, не о встречах с карманником, не о письмах почитателей, его таланта, не о ранней юности Клавдии Новиковой!

Камни в утесовский зонт летели долго и упорно. Иногда они превращались просто в комок грязи. В то время немало было сказано о том, что критика по-настоящему не оценила еще деятельность и значение Утесова.

Эти замечания, сделанные несколько лет назад, к сожалению, сохранили свою актуальность и по сей день.

Тут речь идет не о том, чтобы кинуть на ложе артиста охапку свежих комплиментов. Зачем они ему?! Но ведь надо правильно ориентировать растущие эстрадные кадры? Надо же указать им, на кого равняться? У кого учиться? Что перенимать?

А у Леонида Утесова есть чему поучиться молодому советскому эстраднику.

Конечно, то, что отпущено артисту природой, при нем и останется. Мы имеем в виду разностороннее утесовское дарова-

ние, его редкую музыкальность, большое сценическое обаяние, легкий подкупающий юмор. Этого полностью не передашь даже родной дочери, а не только посторонним молодым людям.

Но у Утесова следует учиться его жизнерадостному искусству, веселому мастерству, его хорошему трудолюбию, столь не свойственному большинству эстрадных артистов (грубо говоря, мы намекаем на количество репетиций, а не концертов).

Вот уж кто, действительно, никогда не удовлетворялся «легким концертным хлебом». Непрерывные поиски, большие удачи, серьезные срывы — все было в его творческой биографии. Не было только застоя, столь характерного для многих эстрадных деятелей, погони за дешевой славой, равнодушного отношения к своему искусству и халтурной беготни по шести концертам в вечер.

Утесов и сейчас тот же человек с зонтом, которым он был десять лет назад. Он всегда ищет и всегда рискует. А на эстраде мы чаще сталкиваемся с такими творческими перестраховщиками, которые шагу в сторону не ступят от раз уже найденного жанра.

Если бы все это попало в мемуары! Какая могла получиться интересная и полезная книга! Сколько увлекательного мог бы рассказать Утесов о всех этих своих поисках, о том, как создавался первый джаз-спектакль («Музыкальный магазин»), о неудачной попытке создать миниатюрный мюзик-холл («Кармен»), наконец, о большой творческой победе, завершившей создание советского (подчеркиваю это!) джаза. Это программа — «Песни нашей родины».

А вместо подлинного своего жизнеописания автор воспоминаний дал какую-то нудную канитель, начиненную малоинтересными встречами и тусклыми биографическими подробностями.

Может быть автор исправит свою ошибку в следующей книге? Хотя, пожалуй, не стоит! Он показал себя весьма слабым литератором. Кроме того, Утесов слишком еще полемическая и задорная фигура, чтобы так рано погрузиться в спокойные воды воспоминаний.

Вот те поправки, которые необходимо сделать к жизнеописанию Леонида Осиповича Утесова.

Евр. БЕРМОНТ.